

Что такое «радикальная оппозиция»

10 ДЕКАБРЯ исполнился год со времени первого митинга на Болотной площади тех сил, что объявили себя «радикальной оппозицией». С тех пор прошло ещё несколько митингов, шествий и «прогулок», возбуждён ряд уголовных дел, а недавно сформирован постоянный орган радикалов — Координационный совет. Можно подводить некоторые итоги.

Митинг 10 декабря 2011 года, на фоне предшествовавшего затишья, несомненно, произвёл впечатление. Сработал эффект неожиданности, подогретый для многих москвичей недовольством фальсификациями на тогда только что прошедших выборах в Государственную Думу.

Лидеры митинга сразу же объявили о том, что на Болотной площади началась новая эра в истории России. Главный печатный орган радикалов «Новая газета» с тех пор переполнен заявлениями такого рода. «Нет сомнений: идет революция (третья демократическая), вопрос лишь в том, удастся ли её удержать в рамках мирного пути» (январь 2012); «Необходимо думать о том, как сменить и правящий класс, и правила игры»; «Нужна радикализация повестки дня»; «Остается один путь — снизу и сразу» (апрель 2012); «Путин загнал себя в угол. Социальная опора сжимается, как шагреновая кожа» (июнь 2012); «Власть переживает самый серьёзный за последние 13 лет политический кризис» (ноябрь 2012).

Постоянно обсуждают идею «круглого стола» оппозиции с властями по сценарию 1989 года в Польше, этот сценарий предполагает, что Путин и его соратники отдадут оппозиционерам власть в обмен на предоставление гарантий личной неприкосновенности. Перед февральским митингом один из радикальных лидеров В. Рыжков обещал развитие событий по двум сценариям: либо белорусский вариант «с водомётами и пытками заключённых», либо польский вариант с переговорами о передаче власти оппозиции. И на одном из митингов бывший соратник Путина Касьянов объявил: «Ещё несколько месяцев, и Путин сдастся!».

Всё это трудно не назвать манией величия. Митинги и шествия в столице, включая «марши миллионов», собирали лишь десятки тысяч

человек, а вне крупнейших городов организовать что-либо серьёзное не удаётся. Во время интернет-выборов в Координационный совет оппозиции зарегистрировалось чуть более 150 тысяч, то есть 0,1% от населения страны, а проголосовало из них 82 тысячи (очень надеялись довести число голосовавших до 100 тысяч, но не получилось).

За что на самом деле борются лидеры «оранжевых»? Г. Каспаров проговорился на «Марше миллионов».

«...поэтому я хочу сказать сегодня, когда многие спрашивают: «Ну сколько мы будем выходить? Мы выходим, а они не обращают внимания».

А кто сказал, что будет легко? Потому что они борются за свое право, за право беззастенчиво грабить страну и бесконечно обогащаться. И это право путинская воровская бригада нам так просто не отдаст».

Первая попытка участия радикалов в выборах 14 октября не удалась. Лишь В. Рыжков, как узнаваемый политик, один прошёл в законодательное собрание в родном Барнауле (будет ли туда приезжать?), а главная ставка была сделана на Химки, но и там кандидату от оппозиции Е. Чирикову не избрали. И дело здесь не только в фальсификациях. И нельзя не сравнить две демонстрации в один и тот же день 15 сентября: в Москве и Мадриде, где в разгаре кризис, и резко скакнула безработица: в испанской столице массовость была намного выше.

Это не означает, что оппозиционные выступления не вызывают сочувствия. По данным ВЦИОМ, в декабре 2011 года митинги поддерживало 35% опрошенных, к маю число снизилось до 22%, осенью снова поднялось (по данным Левада-центра, акции протеста поддерживают уже 42% опрошенных). Но, во-первых, это лишь сочувствие. Во-вторых, в пользу оппозиции иногда работали топорные действия властей. В-третьих, представления об оппозиции тех, кто её поддерживает, могут быть разными. Сама «Новая газета» приводит данные ВЦИОМ, согласно которым даже сочувствующие московским митингам смутно представляют их состав: например, их участников называют «борцами за свободу», на что газета замечает: борец за свобо-

ду — это Че Гевара, а мы не такие.

И действительно, не такие. Разумеется, не надо ставить знак равенства между митинговыми вождями и всеми участниками акций. И вожди могут отличаться друг от друга. Но всё же большинство лидеров имеют чётко выраженную окраску. Уже роль, которую среди них играют люди из прошлого: Б. Немцов,

позиции» К. Собчак в той же газете: «Желание хорошей жизни, вкусных ресторанов... неуничтожимо», а «я прилично зарабатываю (надеюсь, так будет и впредь)». Поэтому она собирается «делать всё, чтобы протест не перешел в революцию бедных против богатых». Ей важно, чтобы «стали приходить к власти... демократические силы с правым

ные, занятые собой, - что они могут? Это не материал даже для буржуазной революции.

Всё чаще проводят параллель между теперешними оппозиционерами и диссидентами 70-х и начала 80-х годов: как пишет один из бывших диссидентов, участники демонстраций в новых условиях продолжают принципы, установленные диссидентами. Главный из них — обвинение власти в нарушениях законодательства. Он же пишет: «Левые партии и активисты требуют включения в протестные митинги темы социальной защиты (или даже ликвидации крупного капитала); правые (националисты) выдвигают свои требования.... Большинство из всех сил сопротивляются всякому идеологическому влиянию и вообще с удовольствием обошлись бы и без левых, и без правых».

На деле, конечно, это «большинство», хотя и не националисты, но типично правые (о чём откровенно заявляет Собчак), не озабоченные проблемами безработицы и стремящиеся осуществить «желание хорошей жизни, вкусных ресторанов» и фитнес-клубов. Правые не задумываются об идеологии, но объективно будут за ту власть, которая поддержит такие желания. В Москве такой слой заметен, но в масштабах страны невелик, ждать его победы, на которую надеются оппозиционеры, наивно.

Показательно, что один из светочей наших радикалов, видный польский антикоммунистический деятель А. Михник указал в интервью «Новой газете», что в Польше оппозиция добилась победы лишь тогда, когда интеллигенция и рабочие нашли общий язык; в России же интеллигенты и не пытаются найти общий язык с рабочими. Об этом же пишет и сочувствующий радикальной оппозиции социолог Б. Дубин: «В российском движении я пока не вижу ни желания, ни форм, ни попытки соединения с широкими массами, с интересами разных социальных групп.... Трудовые протесты в регионах, по имеющимся мониторингам, из года в год не стихают и уже обладают серьёзной активностью. Но эти выступления никак не сопряжены с теми митингами и гуляньями, которые происходят в столице». И сами оппозиционеры уже сетуют: «Старые формы борьбы исчерпаны, новых пока нет, надежда на быструю победу исчезла, и впереди долгий путь». Но их презрение к, как они выражаются, «возрастной, малообразованной и патерналистски настроенной части населения» слишком велико.

Борьба «радикальной оппозиции» с властью — борьба двух группировок буржуазии, одна из которых пока что имеет явный перевес, а другая немногочисленна и сильна лишь на словах. Однако в условиях кризиса ситуация может измениться, и опыт 1989-1993 гг. показывает, как бывает опасно доверять выдвигающимся на гребне волн демагогам.

Владимир Алпатов
Рисунок Вячеслава Полухина

Они и мы

*Нам их кафтан и не к лицу, и тесен,
Их раздражает наш простор и вес...
Они не понимают наших песен,
А мы — их либеральный политес.*

*Нам чужд их страх потери
инвестиций,
Жар биржи не живет у нас в крови.
В душе у нас — погоня
за жар-птицей,
Тоска по правде, братству и любви.*

*Всю жизнь мы грезим миражами рая,
И не понять расчетливым умом,
Как до сих пор в аду не умирая,
Мы никогда, конечно, не умрем.*

*Да, живы мы, доколе в русском поле
Родная песня излучает грусть
И русская учительница в школе
Нам Пушкина читает наизусть.*

Юрий Ключников

